

Александр Баженов

Бажаник. Семь сфер. Книга V Архитекторы Снов

Александр Баженов

Бажаник. Семь сфер.

Книга V Архитекторы Снов

<https://litres.ru/74088721>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда в ноосферу проникают прекрасные и пугающие Архитектор Снов и его слуги Ониры, герои понимают: битва перемещается внутрь самого сознания. Архитектор питается человеческими кошмарами, его зеркальная дочь Маара — ложными надеждами, а когда оба они, тронутые светом любви, пытаются измениться, против них восстают собственные творения: Эринии — безжалостные богини вины, стыда и безнадёжности.

Чтобы противостоять вторжению, герои вместе с друзьями — Такшакой, Адитьей, Сингой, Архитектором и Маарой — создают в ноосфере Стражей Пробуждения: энергетических существ, сотканных из любви и света семи сфер. Но Стражи — ещё не спасители, они только учатся: различать истинную вину и ложную, превращать стыд в принятие, пробуждать надежду в самых тёмных уголках подсознания.

Цитаты Фрейда и Юнга, Франкла и Роджерса, Брене Браун и других великих психологов и эзотериков переплетаются с

лирическими отступлениями о любви как фундаментальной силе психики.

Содержание

Оглавление	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Бажаник. Семь сфер.

Книга V Архитекторы Снов

Оглавление

Глава 1. Там, где спит разум

Алиса читает Юнга, и ей снятся странные сны: площадь, зеркало, миллионы спящих лиц и прекрасное существо, нашёптывающее кошмары. Такшака сообщает об атаке на ноосферу — сферу разума, предсказанную Вернадским. Артём проникает в сон Алисы и встречает Архитектора Снов — древнее существо, питающееся человеческим страхом. Его слуги, прекрасные Ониры, атакуют спящих. На помощь приходят Адитья, Такшака и Синга. Герои используют осознанное сновидение, чтобы дать отпор. Цитаты Фрейда, Юнга, Гойи.

Глава 2. Бунт в королевстве грёз

Ониры взбунтовались против Архитектора. У них появилась новая предводительница — Маара, женская ипостась Мары, демона-искусителя из буддийской мифологии. Она питается не страхом, а ложными надеждами, дарит людям во сне всё, о чём они мечтают, и забирает их души. Герои проникают в ноосферу и встречают Маару на троне из кошмаров. С помощью зеркала истины и силы любви они помо-

гают ей осознать, что она — лишь зеркало, отражающее чужие желания. Маара соглашается попробовать измениться. Цитаты Нагарджуны, Фрейда, Уайльда, Лакана, Роджерса.

Глава 3. Теневой совет

Маара предупреждает: её бывшая правая рука Салана, тень Архитектора и древнее существо Дымург (воплощение забвения) объединились в Теневой Совет. Они планируют погрузить человечество в вечный серый сон. Герои вместе с Архитектором и Маарой отправляются в глубины ноосферы, чтобы сразиться с ними. Салана атакует иллюзиями, Дымург — забвением. Архитектор встречается со своей тенью, признаёт её и воссоединяется с ней, становясь целостным. Салана и Дымург отступают. Цитаты Юнга, Анны Фрейд, Эриксона, Ялома.

Глава 4. Стражи Пробуждения

В ноосфере появляются новые Ониры — Эринии, богини вины, стыда и безнадёжности. Их предводители — Алекто, Мегера и Тисифона — не признают ни Архитектора, ни Маару. Чтобы защитить людей, Артём и Алиса вместе с друзьями создают в ноосфере Стражей Пробуждения — энергетических существ, сотканных из любви и света семи сфер. Стражи ещё только учатся: различать истинную вину и ложную, превращать стыд в принятие, пробуждать надежду. Первая битва с Эриниями. Цитаты Кюблер-Росс, Патанджали, Винникотта, Юнга.

Глава 5. Энергетическая защита

Стражи Пробуждения завершают обучение и становятся энергетической защитой сознания и снов человечества. Финальная битва с Эриниями. Люми сражается с Алекто, превращая вину в прощение. Солара сражается с Мегерой, превращая стыд в принятие. Все Стражи вместе помогают Тисифоне увидеть, что за безнадёжностью есть надежда. Три Эринии преображаются: Алекто становится Софией (Мудрость), Мегера — Элеос (Милосердие), Тисифона — Элпис (Надежда). Цитаты Фромма, Джеймса, Кьеркегора, Франкла, Лао-Цзы.

Послесловие

О сне и разуме. О вине и прощении. О том, что тьму нельзя победить силой — её можно только осветить. О Стражах, которые теперь охраняют сны каждого человека. Цитаты Фрейда, Юнга, Франкла. Свет, который мы отдаём, не гаснет — он умножается.

Глава 1. Там, где спит разум

Год спустя после битвы в микромире

Май в яблонево́м саду был похож на бело-розовую метель. Лепестки кружились в воздухе, оседали на траве, на крыльце, на плечах Алисы, которая сидела под старым дубом и читала. Я стоял в дверях дома и смотрел на неё, и в груди разливалось то спокойное, ровное тепло, которое приходит только после долгих испытаний — когда знаешь, что худшее позади, а лучшее ещё впереди.

За прошедший год мы многое успели. Навещали Шамбалу — Ригден Джапо передавал привет и говорил, что лотосы в Долине Тысячи Лотосов цветут особенно пышно. Летали в Набха-локу — Савитар и Ушас учили нас новым аспектам Первого Луча, а Чхая показала, как видеть тени не только в пространстве, но и во времени. Даже в микромир заглядывали — Удд и его друзья-элементали устроили в нашу честь праздник, на котором кварки танцевали танец сильного взаимодействия, а Гравита спела песню о чёрных дырах.

Но больше всего мы любили просто быть дома. В саду. Вдвоём.

— О чём книга? — спросил я, подходя к дубу.

— О снах, — ответила Алиса, не поднимая глаз. — Юнг. «Человек и его символы». Он пишет, что сны — это послания бессознательного. Что они не просто случайные образы, а архетипические послания, которые пытаются нам что-то сказать.

— И что они пытаются сказать тебе?

— Пока не знаю. — Она отложила книгу и посмотрела на меня. Её серые глаза с янтарными крапинками были задумчивы. — Но последние несколько ночей мне снятся странные сны.

— Какие?

— Я стою на площади. Такой же, как в твоём первом сне — помнишь? Город Трёх Лун, жемчужные дома, золотистый туман. Но теперь на площади не обелиск. Теперь там... зер-

кало. Огромное зеркало, в котором отражаюсь не я. В нём отражаются все люди сразу. Тысячи, миллионы лиц. И все они спят. А над ними... — она запнулась.

— Что над ними?

— Кто-то стоит. Кто-то, кого я не могу разглядеть. Он прекрасен — прекрасен той красотой, которая вызывает тревогу. И он что-то шепчет. Что-то, от чего спящие лица искажаются. Начинают кричать. Плакать. Превращаться...

— Во что?

— В чудовищ.

«Сон — это единственные врата в бессознательное», — писал Зигмунд Фрейд. Он считал, что сны — это «королевская дорога» к пониманию скрытых желаний, страхов, травм. Юнг пошёл дальше: он говорил о коллективном бессознательном — общем для всего человечества слое психики, населённом архетипами. Сны, по Юнгу, — это не просто личные послания. Это мосты между индивидуальной душой и всеобщим разумом.

Но что, если мост работает в обе стороны? Что, если через сны можно не только получать послания, но и отправлять их? Что, если существует сила, способная проникнуть в коллективное бессознательное и отравить его?

«Сон разума порождает чудовищ», — написал Франсиско Гойя на офорте из серии «Капричос». Он имел в виду другое: что без разума, без просвещения человек скатывается во тьму предрассудков и страхов. Но что, если разум не просто

спит? Что, если его усыпили намеренно?

Вечером того же дня в саду собрались наши друзья.

Такшака, Наг-мудрец, сидел на траве, скрестив ноги, и его плащ из лунного шёлка серебрился в сумерках. После битвы в микромире он стал чаще бывать у нас — говорил, что земной воздух полезен для его чешуи, но я знал: он просто скучает. Адитья, Гаруда-воин, устроился на ветке дуба, сложив золотые крылья. Его сапфировый нагрудник тихо пульсировал, отражая закатное небо. Синга, наш лев с лунной гривой, лежал у ног Алисы и мурлыкал, как гигантский кот. Ригден Джапо не смог прийти — Шамбала требовала его присутствия, — но прислал с Такшакой амулет: маленькое зеркальце в оправе из лунного камня.

— Это Зеркало Истины? — спросила Алиса, беря подарок в руки. — То самое, что Такшака показывал нам в сокровищнице?

— Оно самое, — подтвердил Наг. — Ригден Джапо сказал, что оно может пригодиться. Зеркало показывает не лицо, а душу. Оно поможет отличить правду от иллюзии.

— От иллюзии? — переспросил я. — Дхума повержен. Какие ещё иллюзии?

— Не иллюзии, — тихо ответил Такшака. — Сны.

И он рассказал.

Оказывается, последние недели в Шамбале тоже происходило странное. Махатмы, Учителя, которые годами медитировали, не зная тревог, начали видеть кошмары. Им сни-

лось, что они теряют просветление. Что свет, который они накапливали столетиями, утекает, как вода сквозь пальцы. Что они снова становятся обычными людьми — со страхами, гневом, завистью. Некоторые просыпались в слезах. Некоторые не могли уснуть вовсе, боясь возвращения кошмаров.

— Это не просто сны, — сказал Такшака. — Это вторжение. Кто-то атакует ноосферу.

— Ноосферу? — переспросила Алиса. — Сферу разума?

— Да. — Наг кивнул. — Ноосфера — это оболочка Земли, состоящая из мыслей, идей, образов. Её существование предсказал ещё Вернадский. Он писал, что человечество становится геологической силой — не только физически, но и ментально. Все наши мысли, все наши сны, все наши страхи и надежды попадают в ноосферу. И если кто-то научится ею управлять...

— ...он сможет управлять всем человечеством, — закончил я.

— Именно. Тот, кто контролирует сны, контролирует души. И тот, кто сейчас атакует ноосферу, знает это лучше всех.

— Кто он? — спросила Алиса.

Такшака помолчал. Потом тихо произнёс:

— Мы не знаем его имени. Но мы знаем, как он себя называет. Архитектор Снов.

Ночь опустилась на сад, и мы разошлись по комнатам. Алиса легла спать первой — она устала после долгого дня. Я

сидел рядом, держа её за руку, и смотрел, как мерцает золотой огонёк Адити на её груди.

— Ты будешь охранять мой сон? — прошептала она, уже засыпая.

— Как всегда, — ответил я.

— Тогда мне не страшно.

Она закрыла глаза, и её дыхание стало ровным. Я активировал Аджну — синюю сферу между бровей — и настроился на её сознание. Я не читал мысли — это было бы вторжением. Я просто держал связь, как держат за руку в темноте.

И через несколько минут я почувствовал это.

Сначала — лёгкое колебание, как рябь на воде. Потом — волна, идущая откуда-то извне. Она была... прекрасной. Это первое, что я ощутил. Она не была похожа на грубую силу Вритры или на холодную ненависть Аннигила. Она была тонкой, изящной, как музыка. Она обещала покой, наслаждение, исполнение желаний. Она была соблазном.

И она проникала в сознание Алисы.

Я закрыл глаза и нырнул следом — не физически, а через пятую сферу, Вишудху, которая управляла телепатией. Сон Алисы раскрылся передо мной, как цветок.

Она стояла на той самой площади из моего сна. Город Трёх Лун — жемчужные дома, золотистый туман, три луны в небе: алая, лиловая и серебряная. Но теперь на площади действительно стояло зеркало — огромное, в полный рост, в оправе из кости и перламутра.

В зеркале отражалась не Алиса. В нём отражались лица. Сотни, тысячи, миллионы лиц — мужчины, женщины, дети, старики. Все они спали. Их глаза были закрыты, их губы были безмолвны. Но их лица... их лица искажались. Как будто кто-то невидимый натягивал нити, заставляя их гримасничать, кричать, плакать.

Над зеркалом стоял Он.

Архитектор Снов.

Он был прекрасен. Высокий, тонкий, с кожей, отливавшей лунным серебром. Его глаза были без зрачков — сплошная синева, глубокая, как вечернее небо. Его одежды были сотканы из сновидений: они постоянно менялись, переливались, как мыльные пузыри. На голове его сияла корона — но не из света, как у Ушас, и не из тьмы, как у Вритры. Его корона была из... образов. Из крошечных, живых картинок, которые кружились вокруг его головы, как планеты вокруг звезды. Я видел в них лица, пейзажи, сцены — обрывки чужих снов, которые он носил как украшение.

— Ты пришёл, — произнёс он, и его голос был похож на колыбельную, от которой хочется закрыть глаза и уснуть навсегда. — Я знал, что ты придёшь. Пробуждённый. Тот, кто видит сны наяву.

— Кто ты? — спросил я.

— У меня много имён, — ответил он, улыбаясь. — В ваших легендах меня называли Морфеем, богом снов. В других культурах — Маарой, духом кошмаров. В тибет-

ских текстах я — Владыка Бардо, промежуточного состояния между жизнью и смертью. Но ты можешь звать меня Архитектором. Я строю сны. Я создаю миры, в которых вы, люди, проводите треть своей жизни. Я — тот, кто дарит вам отдых. Кто дарит вам фантазии. Кто дарит вам надежду.

— И кто превращает надежду в кошмар, — добавил я. — Я видел лица в зеркале.

— Кошмар — это тоже дар, — возразил Архитектор. — Кошмар учит. Кошмар предупреждает. Кошмар показывает то, что вы боитесь увидеть наяву. Но вы, люди, не цените моих даров. Вы глотаете снотворное, чтобы уснуть, и антидепрессанты, чтобы проснуться. Вы отгородились от своих снов стеной из химии. И я... я решил напомнить вам о себе.

— Напомнить? Ты называешь это напоминанием? Люди сходят с ума от твоих «напоминаний»!

— Они не сходят с ума, — мягко поправил Архитектор. — Они освобождаются. Разум — это клетка. Сон — это ключ. Я даю им ключ. А то, что они видят, открыв дверь, — это уже не моя вина. Это их собственные демоны. Я только выпускаю их наружу.

«Кошмар — это не враг, — писал Карл Густав Юнг. — Кошмар — это послание. Он приходит, чтобы сказать тебе то, что ты отказываешься слышать днём». Архитектор, при всей своей жуткой красоте, был прав в одном: кошмары несут послание. Но он умалчивал о другом. Он умалчивал о том, что послание можно исказить. Что ключ может не от-

крыть дверь, а сломать замок. Что освобождение без подготовки — это не освобождение. Это разрушение.

«Свобода — это не отсутствие ограничений, — писал психолог Эрих Фромм. — Свобода — это способность выбирать свои ограничения». Архитектор не давал выбора. Он взламывал сны и оставлял людей один на один с их демонами, без проводника, без защиты, без карты. Это была не свобода. Это была пытка.

Архитектор протянул руку к зеркалу, и одно из спящих лиц — лицо молодой женщины — исказилось в крике.

— Зачем ты это делаешь? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Если ты — бог снов, зачем тебе мучить смертных? Мы же ничто по сравнению с тобой.

— Ничто? — Архитектор улыбнулся. — О, нет. Вы — не ничто. Вы — топливо. Каждый кошмар, который я создаю, питает меня. Каждая слеза, пролитая во сне, — это энергия. Каждый крик, который не может вырваться из спящего горла, — это сила. Я стар, Пробуждённый. Я старше, чем твои Адиты. Я старше, чем твои элементали. Я был здесь, когда первые люди заснули и увидели первый сон. И я питался их снами тысячелетиями. Но теперь... теперь человечество стало слишком защищённым. Ваши психологи придумали терапию. Ваши психиатры придумали таблетки. Ваши эзотерики придумали осознанные сновидения. Вы перестали бояться. И я... я голоден.

— Значит, ты просто паразит, — резюмировала Алиса. Её

голос прозвучал неожиданно — я не заметил, как она подошла. Во сне она выглядела так же, как наяву: платье из лунного шёлка, золотой огонёк на груди, родинка на левой скуле. Только глаза изменились: серые с янтарными крапинками, они теперь горели холодным, спокойным гневом. — Паразит, который питается чужим страхом.

— Паразит? — Архитектор впервые показал эмоцию — лёгкую тень раздражения. — Это грубое слово. Я бы предпочёл «симбионт». Я даю вам сны — вы даёте мне страх. Это был честный обмен. Тысячелетиями он работал.

— Но теперь ты хочешь большего.

— Теперь я хочу вернуть своё. Вы, люди, пытаетесь контролировать свои сны — осознанные сновидения, люцидные сны, астральные проекции. Вы вторглись в мою территорию. И я... — он сделал паузу, — я решил вторгнуться в вашу.

В этот момент я почувствовал, как в сознание Алисы проникает что-то ещё. Не только Архитектор. Его слуги. Прекрасные психические существа, сотканные из самого вещества снов. Они были похожи на ангелов — но ангелов, у которых отняли крылья и заменили их лезвиями. Их лица были гармоничны, их движения — грациозны, их голоса — мелодичны. Но от них веяло холодом. Холодом, который проникал в мысли и замораживал их.

— Это Ониры, — пояснил Архитектор. — Мои дети. Каждый из них — это чей-то забытый кошмар, который обрёл самостоятельность. Они помогут мне... убедить вас.

Ониры окружили нас. Их было много — десятки, может, сотни. Они кружились, как хоровод, и их движение создавало гипнотический ритм, от которого хотелось закрыть глаза и поддаться.

— Артём! — голос Алисы прорвался сквозь гипнотический ритм. — Не смотри на них! Они используют психическую атаку!

Я встряхнул головой и активировал Аджну. Синяя сфера вспыхнула, и пелена гипноза рассеялась. Я увидел Ониров такими, какими они были на самом деле: не прекрасными ангелами, а искажёнными, изломанными сущностями, чья красота была лишь маской.

— Ты прав, — сказал я Архитектору. — У людей действительно есть психологи, психиатры, эзотерики. Но у нас есть и кое-что ещё.

— Что же?

— Друзья.

В этот момент ткань сна разорвалась.

В небе — если в этом сне вообще было небо — возникла трещина. Из неё вылетел Адитья, Гаруда-воин. Его золотые крылья сверкали даже во тьме чужого кошмара. За ним следовал Такшака — его плащ из лунного шёлка развевался, а трезубец сиял ядом, способным парализовать даже психическую сущность. Синга прыгнул сквозь разлом и приземлился рядом с нами, закрывая нас своими крыльями из семицветного света.

— Как вы... — начал я.

— Зеркало Истины, — ответил Такшака. — Когда вы уснули, оно засияло. Мы поняли, что вы в опасности.

— И мы не могли оставить вас одних, — добавил Адитья. — Гаруды не бросают друзей. Даже во сне.

— Особенно во сне, — уточнила Алиса.

Архитектор смотрел на новых гостей с выражением, которое я не мог расшифровать. Удивление? Раздражение? Любопытство?

— Гаруда, — произнёс он. — Наг. И... что это за существо? — он указал на Сингу.

— Это Синга, — ответила Алиса. — Наш страж. Созданный из любви. Ты питаешься страхом. Он питается любовью. Угадай, кто сильнее?

Синга взревел, и его лунная грива засияла так ярко, что несколько Ониров, ближайших к нам, рассеялись, как утренний туман.

— Впечатляет, — признал Архитектор. — Но этого недостаточно. Вас — пятеро. А моих детей — легион.

— Ты забываешь о кое-чём, — сказал я. — Это наш сон. Наша территория. И мы устанавливаем здесь правила.

Я активировал все семь сфер одновременно. Красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый — семь огней слились в Первый Луч. Алиса сделала то же самое. Наши лучи соединились, и вокруг нас возник купол — не из света, а из осознанности. Из воли. Из любви.

Ониры, пытавшиеся прорваться сквозь купол, отшатывались. Их гипнотические голоса превращались в визг.

— Осознанное сновидение, — прошептал Архитектор. — Вы используете осознанное сновидение.

— Да, — ответила Алиса. — Ты сам сказал: люди научились контролировать свои сны. Мы — научились. А теперь научим и тебя.

— Чему?

— Что кошмар — это не оружие. Кошмар — это просьба о помощи.

«В каждом кошмаре скрыта попытка исцеления, — писал психоаналитик Дональд Винникотт. — Психика создаёт пугающие образы не для того, чтобы мучить нас, а для того, чтобы привлечь внимание к проблеме, которую мы игнорируем». Архитектор извратил этот механизм. Он использовал кошмары не для исцеления, а для питания. Но принцип оставался тем же: за каждым монстром стоит боль. За каждым криком — невысказанная правда. За каждым страхом — потребность в любви.

«Где был Ид, там станет Эго», — писал Фрейд. Где было бессознательное, там станет сознание. Архитектор хотел, чтобы люди оставались в бессознательном — беспомощные, напуганные, питающие его своей энергией. Мы хотели обратного: принести свет осознанности в самые тёмные уголки психики. Не для того, чтобы уничтожить тьму. Для того, чтобы исцелить её.

— Ты проиграл, Архитектор, — сказал я. — Не сегодня. Не здесь. Уходи. И оставь людей в покое.

— Или что? — он усмехнулся. — Вы убьёте меня? Бога снов нельзя убить. Сны существовали до меня и будут существовать после. Я — лишь их воплощение. Если исчезну я, появится другой Архитектор. Может быть, хуже меня.

— Мы не хотим тебя убивать, — сказала Алиса. — Мы хотим тебе помочь.

— Помочь? — он рассмеялся, но в его смехе уже не было уверенности. — Чем вы можете помочь мне?

— Ты голоден, — ответила она. — Ты сказал, что питаешься страхом. Но страх — это не единственная эмоция, которую порождают сны. Есть ещё радость. Удивление. Восторг. Любовь. Ты можешь питаться ими.

— Я не умею, — тихо признался Архитектор. — Я пробовал. Но радость... она ускользает. Она не поддаётся контролю. Страх — другое дело. Страх можно вызвать щелчком пальцев. У каждого есть страх. У каждого есть то, чего он боится больше всего на свете. Это надёжно. Это предсказуемо. Это...

— Это скучно, — перебил я. — Ты тысячелетиями питался одним и тем же. Неудивительно, что ты стал тем, кем стал. Но попробуй что-то новое. Попробуй радость.

— Как?

— Мы покажем тебе.

Я протянул ему руку.

Архитектор колебался. Его Ониры замерли, ожидая приказа. Его синие глаза, бездонные, как вечернее небо, смотрели на мою ладонь с недоверием.

— Ты действительно предлагаешь мне... руку? — спросил он.

— Да.

— После всего, что я сделал?

— Я не говорю, что это будет легко. Я не говорю, что мы забудем. Но мы можем попробовать.

Он медленно, очень медленно, протянул свою руку — тонкую, серебристую, сотканную из сновидений, — и коснулся моей ладони.

В этот момент я активировал Анахату — зелёную сферу сердца. Я не стал атаковать. Я просто... поделился. Я показал ему свои сны. Не кошмары — их у меня почти не осталось. Я показал ему сны о саде. О яблоках, падающих в траву. О закатах, которые мы с Алисой встречали на крыльце. О битвах, в которых мы побеждали — не врагов, а собственные страхи. О друзьях, которые всегда приходили на помощь. О любви, которая не кончалась.

Архитектор застыл. Его лицо, прекрасное и холодное, дрогнуло. Синие глаза расширились, и в них впервые отразилось что-то, кроме пустоты.

— Это... это то, что вы чувствуете? — прошептал он. — Это и есть радость?

— Это любовь, — поправила Алиса. — Радость — это

только её часть.

— Я не знал, — сказал он. — Я не знал, что можно так.
Архитектор ушёл.

Не исчез, как Вритра, не аннигилировал, как Аннигил. Просто ушёл — вглубь своих собственных снов, унося с собой Ониров. Он сказал, что попробует. Попробует питаться радостью. Попробует измениться. Мы не знали, получится ли у него. Но мы знали, что дали ему шанс.

Когда мы проснулись, солнце уже вставало над садом. Яблони цвели. Лепестки кружились в воздухе, оседая на траву. Алиса лежала рядом, и её золотой огонёк на груди горел ровно.

— Ты видел то же, что и я? — спросила она.

— Архитектора? Да.

— Он действительно изменится?

— Не знаю. Но я знаю, что мы сделали всё, что могли.

— Этого достаточно?

— Этого всегда достаточно, — ответил я. — Потому что мы сделали это вместе.

Над садом, если приглядеться, сияли семь цветных колец. Но теперь к ним добавилось ещё одно — восьмое, серебристо-голубое, как вечернее небо. Кольцо Архитектора. Кольцо того, кто попробовал любовь — и не смог её забыть.

Глава 2. Бунт в королевстве грёз

Неделя после первой встречи с Архитектором

Майский вечер опустился на яблоневый сад, как мягкое покрывало. Закат догорал за верхушками деревьев, окрашивая облака в оттенки розового кварца и аметиста, и в этом свете лицо Алисы, сидевшей на крыльце, казалось написанным старым фламандским мастером — тонкая работа светотени, золотистые блики в серых глазах, родинка на левой скуле, похожая на крошечную точку, поставленную кистью.

— О чём думаешь? — спросил я, садясь рядом.

— О том, что тишина — странная вещь. Когда она есть, мы ей не доверяем. Когда её нет — мечтаем о ней.

— Это потому, что мы с тобой слишком много пережили. Тишина для нас — не норма. Норма — буря.

— Наверное. — Она вздохнула и прижалась к моему плечу. — Архитектор ушёл, Ониры рассеялись, но я не чувствую покоя. Как будто что-то зреет. Что-то, что мы упустили.

— Что именно?

— Не знаю. Но, знаешь, есть такая фраза: «Сон разума порождает чудовищ». Это Гойя. А Юнг добавил бы: «И не только чудовищ. Сон разума порождает всё — и ангелов, и демонов, и тех, кто колеблется между». Мне кажется, мы имеем дело с теми, кто колеблется.

Она как в воду глядела.

«Сновидение — это королевская дорога в бессознательное», — писал Зигмунд Фрейд. Он видел в снах подавленные желания, прорывающиеся сквозь цензуру сознания.

Юнг возражал: сны — это не только личное, но и коллективное. Архетипы, древние символы, общие для всего человечества, приходят к нам во сне, чтобы передать послание. «Сон — это маленькая дверь, ведущая в самые потаённые и самые глубокие покои души», — писал Юнг.

Но что, если эта дверь открывается в обе стороны? Что, если через неё можно не только выйти, но и войти? Что, если существуют те, кто научился проникать в наши сны — не для того, чтобы помочь, а для того, чтобы исказить?

Менталист Вольф Мессинг говорил: «Человеческий разум — это не крепость. Это сад. И тот, кто знает тропинки, может войти в него незамеченным». Ониры знали эти тропинки. И теперь, когда Архитектор, их создатель, отрёкся от них, они искали нового проводника.

Первые признаки появились на следующее утро.

Алиса проснулась раньше меня — что бывало редко. Она сидела на постели, обхватив колени руками, и смотрела в окно. Её лицо было бледным, а золотой огонёк Адити на груди пульсировал быстрее обычного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.